

**МОРСКОЙ
СПЕЦНАЗ**

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

**ОСТРОВ
ФЛОТСКОЙ
ЧЕСТИ**

Сергей Иванович Зверев

Остров флотской чести

Серия «Морской спецназ»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5009525

Зверев С. И. Остров флотской чести: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-62882-7

Аннотация

В океан упал секретный американский спутник, на борту которого находится новейшее оборудование, предназначенное для подавления российской навигационной системы ГЛОНАСС. Руководство ВМС срочно отправляет туда группу боевых пловцов под руководством подполковника Орехова. Миссия группы – поднять со дна океана обломки спутника и доставить их в Россию. На месте катастрофы группа Орехова сталкивается с «морским котиком» Стивом Томпсоном – лучшим пловцом ВМФ США. Удивительно, но Томпсон совершенно не пытается противостоять российским десантникам, более того, он предлагает им помощь...

Содержание

1	4
2	12
3	24
4	32
Борт «Боинга-747», следующего по маршруту Аддис-Абеба – Москва, август 2011 года	32
5	42
6	52
7	64
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Сергей Зверев

Остров флотской чести

1

Военная тюрьма Форт-Ливенуорт, штат Канзас, США, август 2011 года

«... Два трупа. Хм, это много или мало? А смотря как считать ... Если по телевизору в новостях симпатичная дикторша щебечет о двух погибших во время пожара или землетрясения – это мало. Если в Ираке или в Афганистане парочку аборигенов пристукнули наши парни – разве это много? Так, ерунда, о которой не стоит и упоминать. А если один из этих двоих – ты? Или кто-то из твоих близких? О, тогда ведь все меняется, и ты вдруг понимаешь, что и один человек – это целый мир, вселенная. А кто-то нажал на кнопку или на спусковой крючок – и нет вселенной. Тьма одна, пустота и холмик могильный. А то и холмика с надгробием не останется, если, к примеру, на мину наступил и только ошметки кровавые по сторонам разлетелись. Нет, могила, конечно, будет, а вот в гробу могут оказаться не бранные останки, а

вообще черт знает что...»

Стив чуть заметно потянулся и заворочался на узкой койке, устраиваясь поудобнее. Закинул руки за голову, помассировал сильными, жесткими пальцами затылок и вдруг усмехнулся, представляя могильные холмики, насыпанные над людьми, отправившимися в иные миры не без его, Стива Томпсона, участия. Ряд воображаемых аккуратных надгробий получался внушительным – двоими погибшими и не пахло, хотя и на десятки счет, естественно, не шел. Вполне уверенно Стив мог бы говорить, пожалуй, лишь о девяти ныне мечтающих о мести лично ему – если, конечно, на том свете кто-то может о чем-то мечтать...

По худощавому лицу Томпсона, глядя на которое посторонний мог бы не без легкой зависти сказать, что принадлежит оно стопроцентному голубоглазому англосаксу, так вот по этому лицу пробежала заметная мрачная тень – Стив сделал вывод, что иногда и два покойника могут показаться толпой. Это происходит в том случае, когда этих мертвецов вешают на тебя и щедрой рукой дяди Сэма начисляют двадцать лет тюрьмы. И даже с небольшим довеском. Немало при любом раскладе, а если ты, как говорится, об этих трупах ни сном ни духом, то эта поганая двадцатка вырастает до немислимых размеров! Двадцать лет за решеткой за преступление, которого ты не совершал. Целая жизнь – есть от чего взвыть, а то и в петлю залезть.

«Хотя нет, насчет петли – это я погорячился, – Томпсон

слегка усмехнулся краешком тонких губ. – Это для сопливых девчонок да для нервных мисс, измученных отсутствием горячего мужика, а бывшему боевому пловцу вроде бы и не к лицу болтаться в петле с высунутым синим языком. Да и не попал бы подобный психопат в такую серьезную контору, как отряд боевых пловцов, куда даже из просоленных морем и прокаленных солнцем парней из корпуса морской пехоты США попадает один из сотни, а то и из тысячи... Бывший! Ладно, мы скрипеть зубами и глазками сверкать не будем. Что случилось, то случилось... Жизнь – штука длинная, еще посмотрим...»

В коридоре послышались размеренно-уверенные шаги, звякнули ключи, и тут же перед решетчатой дверью узкой камеры возникла внушительная фигура дежурного охранника-надзирателя: тяжелые вислые плечи борца, цепкий и презрительно-холодный взгляд, профессионально обшаривший камеру и едва скользнувший по обитателю этой почти монашеской кельи.

– Заключенный номер 9 – 173, на выход! Руки давай...

Стив без ненужной суетливости, но и без особых проволок – дабы не злить без надобности вертухая, – встал, представился, как положено внутренним распорядком, и протянул к решетке сложенные вместе руки. На запястьях тут же с нежным похрустыванием защелкнулись наручники, после чего охранник открыл дверь и скомандовал: «Вперед!»

Путешествие по галереям и переходам тюрьмы было от-

кровенно скучным и давно известным каждому, кто видел хотя бы один фильм про любую тюрьму абсолютно любой страны. Ну разве что за исключением Африки и Азии, где узилище частенько представляет обычную грязную яму или сарай из подручного местного материала. Здесь же, в Форт-Ливенуорте, все было банальным и в то же время претендующим на основательную солидность: решетки, сетки из стальной проволоки, мерзко лязгающие двери и сварные железные лестницы, напоминающие корабельные трапы.

– Куда это меня, а, сержант? От работ я вроде бы освобожден...

– Отставить болтовню! Шагай, шагай, – беззлобно проворчал охранник, и с десятков метров шли молча. Потом сержант все же не выдержал и не то презрительно, не то снисходительно сообщил: – В камеру для дознаний приказано доставить. Там к тебе шлюха прилетела. Уж не знаю, кому сегодня интересны уроды вроде тебя, но вот...

Камера, упомянутая охранником, оказалась в самом конце длинного крыла. От прочих номеров этого отеля, подвластного управляющим с большими звездами на погонах, она отличалась лишь глухой металлической дверью – в большинстве остальных стояли обычные решетки.

– Стоять! Лицом к стене, – сержант негромко лязгнул связкой ключей и через секунду-другую с легким скрипом распахнул дверь кабинета и, отступая на шаг в сторону, командовал: – Вперед...

Кроме известного, пожалуй, в узилищах всего мира старого правила, призывающего «не верить, не бояться и не просить», есть еще два, не менее важных, тюремных принципа, которым никогда не мешает следовать и в обычной жизни: ничему не удивляться и стараться держать язык за зубами. Умение молчать в нужное время и в нужном месте еще никогда и никому не повредило – даже наоборот, частенько здорово помогает избежать ненужных осложнений, а то и жизнь спасает. Недаром умные люди издавна сравнивали молчание с золотом – вожделенным металлом всех времен и народов...

Томпсон на несколько секунд задержался у захлопнувшейся за спиной двери и без особого интереса окинул взглядом кабинет и сидевшего за столом посетителя – средних лет полноватого мужчину с невыразительной внешностью заурядного банковского клерка. Хотя нет – совсем уж невыразительной рожу этого чиновника назвать было бы ошибкой, поскольку и в лице, и в глазах проскальзывало что-то такое... неприятно-крысиное.

– Добрый день, – негромко буркнул бывший спецназовец и несуетливо уселся на привинченный к бетонному полу тюремный табурет. Непринужденно пристроил скованные руки на коленях и без особых церемоний выжидающе посмотрел в лицо посетителю.

– Привет, Стив! – мужчина лучезарно улыбнулся, хотя даже неискушенному зрителю сразу стало бы понятно, что улыбка эта «дежурно-деловая», к искренней радости ника-

кого отношения не имеющая. Просто посетитель заученно следовал известному совету, растиражированному на офисных табличках: «Смайлз! Улыбайся!» – Меня зовут Джек... Впрочем, это неважно. Важно то, что я адвокат и представляю некую солидную фирму, я бы даже сказал – очень солидную... Я уполномочен сделать вам одно интересное предложение! Есть работа как раз для такого крепкого, настоящего парня, как вы. Скажите, вам еще не надоело валяться на тюремной койке в этом грязном сарае? На волю хотите?

– Нет, – ответ Стива прозвучал коротко и стал для адвоката явной неожиданностью. Мужчина тут же взял себя в руки, стараясь удержать на лице прежнее снисходительно-валяжное выражение, но промелькнувшую в глазах собеседника растерянность заключенный прекрасно увидел и мысленно не без злорадства усмехнулся.

– Нет? Надеюсь, я не ослышался, – мужчина вдруг вновь улыбнулся и, обведя взглядом стены и потолок камеры, понимающе кивнул и продолжил: – Можете не беспокоиться – ни микрофоны, ни камеры сейчас не работают – это я вам гарантирую. Так позвольте спросить: почему нет?

– Да все очень просто, – пожал плечами Томпсон. – Не сомневаюсь, что вы знаете, с кем имеете дело. Отсюда следует, что та работа, о которой вы толкуете... В общем, вряд ли вы хотите мне предложить место инструктора в летнем лагере для подростков-скаутов. Я прав?

– Ну, конечно, в принципе, – адвокат неопределенно по-

шевелил чисто отмытыми ладошками с короткими холеными пальцами, – да, это будет работа по вашей прежней специальности. Надо будет нырять и... все такое. Тонкостей я не знаю, но что-то в этом роде...

– Что же тогда вам непонятно? Если вы в курсе, чем я занимался во время службы в боевых частях, то должны понимать, что каждый день рисковать жизнью и резать кому-то глотки мне просто надоело. Сейчас я полеживаю на тюремной кровати, меня кормят, даже о моем здоровье заботятся. Я могу смело плевать на макушку дяди Сэма, который еще вчера мог засунуть меня в любую мясорубку. Как это ни смешно прозвучит, но именно в этих надежных стенах я свободен! Как никогда свободен – вы понимаете, о чем я?

– Кажется, понимаю, – задумчиво покивал мужчина и неприязненно поджал губы. В глазах же появилось неприятно-жесткое, действительно чисто крысиное выражение. – Но ведь это все-таки тюрьма... Пусть и военные – в прошлом, конечно – вокруг, но ведь уголовники. Драки, поножовщина – да мало ли что еще может случиться!

– Как ты думаешь, парень, сколько секунд мне понадобится для того, чтобы освободиться от наручников и сломать тебе шею? – глядя в пол, негромко спросил Стив и тут же, не дожидаясь ответа, добавил: – Секунд пять, не больше. Так что засунь свои угрозы знаешь куда... Все, свидание окончено! Вызывайте конвой, мистер, – мне на обед идти пора.

– Простите, мистер Томпсон, – проводя по взмокшему

лбу чистейшим платочком, нерешительно спросил явно растерявшийся и малость перетрусивший адвокат, – но мы еще не договорили. Так что я могу передать людям, интересы которых я представляю?

– Можете передать, что мне абсолютно плевать на их интересы, – поднимаясь со стула, холодно ответил заключенный. – И еще: если они все-таки так и не смогут найти ничего подходящего и решат еще разок поболтать со мной, то пусть пришлют кого поумнее...

– Хорошо, я передам, – уже увереннее произнес представитель «некой солидной фирмы», обращаясь к спине направившегося к двери Томпсона, – а вы, друг мой, надеюсь, еще раз хорошенько подумаете и... тоже чуточку поумнеете. Заметьте, я не прощаюсь...

Что имела в виду эта адвокатская крыса, когда говорила о своих надеждах на то, что слишком самоуверенный заключенный «чуточку поумнеет», Стив понял в тот же день. И произошло это на прогулке, когда здоровенный негр, имевший больше шести футов в росте и кулаки размером чуть меньше баскетбольного мяча, сверля Томпсона злобным взглядом, лениво процедил сквозь зубы: «Эй ты, задница! Иди-ка сюда – я расскажу тебе сказку о глупом скунсе, возомнившем себя королем леса...»

2

Эфиопия. Учебный центр частей командос «Блатен». 350 километров юго-западнее Аддис-Абебы, август 2011 года

...Подполковник Орехов шумно фыркнул и на выдохе нанес неимоверно быструю серию ударов по массивной боксерской груше, поблескивающей кожаными боками. Груша, едва заметно вздрагивая, покорно принимала удары жестких костлявых кулаков – что поделаешь, работа такая. Правда, сегодня обычный рабочий сеанс несколько затянулся: подполковник российского спецназа молотил по снаряду уже добрый час без перерыва и, похоже, останавливаться не собирался. Молотил Орехов по кожаным бокам добросовестно, зло, время от времени шумно отдуваясь и встряхивая коротко стриженной головой, отчего по сторонам летели обильные брызги светлого рабочего пота.

В Эфиопию Сергей Викторович Орехов прибыл по назначению чуть больше года назад. Командование направило подполковника в учебный центр спецназа, в котором российские инструкторы по договору с военными Эфиопии обучали местных командос всем военным и прочим премуд-

ростям нелегкого армейского ремесла. Работа инструктора по рукопашному бою не вызывала у Сергея ни особой радости, ни какого-либо отвращения – работа как работа, обычная служба. Разве что от дома, от России, далековато – так за эти небольшие неудобства пригласившая российских спеццов сторона неплохо доплачивала в конкретной валюте, полюбому не уступавшей русским рублям. Правда, сама Африка со всеми ее прелестями и недостатками довольно быстро Орехову поднадоела – человек, конечно, привыкает почти ко всему и все равно со временем его начинает тянуть на что-то новенькое.

Впрочем, была у подполковника еще одна веская причина для невеселых размышлений: в инструкторы он попал после того, как медицина в лице профессионально бесстрастного доктора отстранила его, офицера спецназа, от боевой работы. Мотив был до смешного прост: «Ты, подполковник, уже стар и недостаточно быстр. Так что под пули теперь пусть другие идут – которые помоложе!» Орехов попытался было оспорить не такое уж и неожиданное для него решение, но медицина была холодна и безжалостна, как блестящие хирургические инструменты, неприятно позвякивающие в металлических кюветах – не раз раненный в мелких и крупных заварушках подполковник спецназа об этих звуках знал не понаслышке...

«На, сука! – в очередной раз впечатав хлесткий удар в снаряд, Сергей в бессильной ярости скрипнул зубами. – Вро-

де бы в Японии есть такой обычай – в холле офисов ставят резиновое чучело начальника, и любой подчиненный может от всей души врезать боссу по сопатке. Психологи говорят, здорово стресс снимает. Правда, когда в Японии был, что-то не видел таких резиновых боссов... Так ведь и не по офисам мы там бегали, а другие задачи выполняли... Неплохой обычай, хотя для русских мало подходит – мы ведь все больше предпочитаем вживую морду начальника кулаком пощупать. Ох, Серега, ну и дурак же ты! И даже хуже. Как зеленый лейтенант сорвался. Тьфу, сапог безмозглый! Баран, ишак тупой... И даже хуже!» Хотя кто там был еще хуже безмозглого барана, Орехов представлял себе смутно.

– Товарищ подполковник, – раздался за спиной неуверенный голос капитана Дрогова, ведавшего тактической и огневой подготовкой местных спецназовцев, – сколько же можно, а? Ведь порвете грушу-то...

– Крепкая, зараза, сдюжит, – саданув по несчастной груше ногой, Орехов недовольно покосился в сторону, где смущенно переминался капитан. Было сейчас в массивной фигуре Дрогова что-то такое, что заставило подполковника насмешливо фыркнуть и, устало опустив мокрые от пота плечи, шагнуть в сторону от груши. Вытирая полотенцем лицо, Сергей недружелюбно поинтересовался: – Что ты мнешься, как девица красная? Посочувствовать пришел или позлорадствовать?

– Это ты зря, Викторович, – потемнел лицом Дрогов, – я,

по-моему, не заслужил. Ты же знаешь...

– Да знаю, знаю, – вяло отмахнулся ладонью подполковник. – Извини, ляпнул, не подумав. Не заслужил, конечно. Это я заслужил – пару раз по морде старой и глупой. Да ладно, чего уж теперь.

– Слушай, Викторыч, я ведь тебя не первый день знаю, – капитан присел на маленькую скамейку, врытую рядом с гимнастической перекладиной, и выудил из нагрудного кармана пачку сигарет. Щелкнул зажигалкой, пыхнул дымком и задумчиво продолжил: – Нет, все равно что-то я не пойму никак... И что теперь, как думаешь?

– А что тут думать – чумадан надо паковать, – как-то очень уж легкомысленно отозвался Орехов. – Дай сигарету – моя отрава кончилась. А «Примы» тут, сам знаешь, не достанешь! Так что и в самом деле пора на Родину, брат ты мой Дрогов. Прав был док...

История, приключившаяся с подполковником, была, по армейским меркам, довольно-таки банальна и незамысловата, как шомпол от автомата. Из далекой Москвы в Эфиопию прибыл с комиссией очередной проверяющий – краснолицый пузатый мужик с полковничьими звездами на погонах. И принадлежал сей полковник к неисчислимому племени штабных деятелей, просто-таки обожающих командировки в далекие экзотические страны – естественно, за казенный счет. Причем как-то уж так у нас получается, что у большинства из таких полковников всегда находится мо-

гушественный покровитель с генеральскими лампасами на форменных брюках. Если же еще и учесть, что, как правило, любой проверяющий обладает характером скверным, то нетрудно догадаться, что в армиях всего мира их не любят. Это если сказать мягко.

Сегодня Орехов толком даже и не смог бы объяснить, из-за чего он вроде бы ни с того ни с сего, что называется, въехал полковнику в... упитанное холеное лицо. То ли лишнего в деле «строить проверяемых» гость себе позволил, то ли вдруг вылезла-вызверилась извечно скрываемая неприязнь боевого офицера к «штабным крысам», но финал получился невеселым.

Самым неприятным для подполковника было даже не то, что обиженный гость наверняка написал соответствующую бумагу и доложил-нажаловался куда следует, а то, что он, Сергей Орехов, вдруг унизился до того, что замарал свои руки об этого любителя халявных путешествий. А если точнее, то не руки, а кулак... Какой же ты спецназовец с железными нервами, если срываешься, как институтка, измученная хроническим недолюбием. Вывод напрашивался вполне очевидный: прав был доктор, когда списывал подполковника с боевой работы!

– Думаешь, отзовут? – Дрогов снова протянул другу сигаретную пачку. – И чем заниматься будешь, если... Ну, если из армии попрут?

– Попрут, друг мой капитан, непременно попрут, – в гла-

зах Орехова заплескалось подозрительное и малопонятное веселье, но тут же сменилось более подходящей для темы разговора сумрачностью: – А не выгонят – сам уйду. Надоело. Знаешь, за что я всю жизнь армию недолюбливал? За две вещи: за вечное потное состояние и за то, что здесь нельзя послать командира и воинского начальника, когда очень хочется. А хотелось часто. А тебе разве нет? Вот хоть бы и меня...

– Шутить изволите, товарищ подполковник? – невесело хмыкнул капитан, отгоняя ладонью какую-то назойливую местную мошкарку, которой сигаретный дым, похоже, был абсолютно по барабану.

– Ни грамма! Уволюсь к чертовой матери, душ приму и об армии забуду, как о страшном сне.

– Так не бывает, – с сомнением покачал головой Дрогов. – Вот так враз возьмешь и забудешь? Да ты и делать-то в жизни больше ничего не умеешь! Ты же этот, как его... самурай по сути. В общем, воин и все такое! Будто, бусидо, что там у них еще?

– А вот тут ты, капитан, ошибаешься, – жестко отрезал Сергей. – Я, может, и самурай и без армии мне скучновато будет, но умею я не только по лесам бегать и глотки резать. Вот, например, наших друзей темненьких учу – и неплохо учу, между прочим! Вон, наши с тобой мальчуганы копченые на всех смотрах-проверках лучшие! Ладно, закрыли разговор – что сделано, то сделано, что уж теперь... Вон, кстати,

несется сюда один из наших недорослей – только пыль из-под копыт завивается. На что хочешь могу поспорить, что гадость сообщить торопится! Черный вестник, так-растак его эфиопскую маму...

Орехов угадал: боец принес из штаба распечатку бумаги, сочиненной в далекой Москве. Поскольку общение между российскими инструкторами и местными курсантами несколько затруднялось тем, что русские не знали амхарского, а курсанты, соответственно, не владели великим и могучим языком своего далекого родственника Пушкина, разговаривал подполковник с бойцом по-английски. Хотя старина Шекспир вряд ли признал бы в этой странноватой смеси из амхарского, русского и английского свой родной язык.

– Вот, что и требовалось доказать, – Орехов небрежно щелкнул двумя пальцами по распечатке радиограммы. – Если перевести эту хрень на нормальный язык, то получится такая штука: дуй-ка ты, дорогой Сергей Викторович, домой в Россию-матушку! Так что, капитан, насчет чемодана я угадал. В общем, у нас в модуле где-то была припрятана замечательная емкость с подходящей жидкостью – думаю, настало ее время. Будем отвальную пьянствовать!

Насчет «отвальной пьянки» Орехов слегка преувеличил: громкого и шумного праздника со слезами на глазах не получилось – всего лишь посидели вечерком, выпили по граммов триста из заветных емкостей, которых оказалось целых две. Для двоих здоровых мужиков не так уж и много. Поси-

дели, поговорили. Естественно, чисто по-русски пообещали писать друг другу и вообще... Это «вообще», как водится, включало в себя многое: и обещание не забывать старых товарищей, и нормальное мужское уважение к братьям по оружию, и даже твердое слово непременно помочь в чем угодно, если судьбе будет угодно еще разок столкнуть друзей в будущем.

Наутро Орехов минут за двадцать сложил свои немудреные пожитки, попил крепкого чайку, без особого сожаления окинул взглядом свою комнатку в модуле и по обычаю присел на дорожку. Через часок подполковнику, по договоренности с местными летунами, следовало забраться в вертушку и отправиться в Аддис-Абебу, а уж оттуда напрямик в столицу бывшего Союза, а ныне Российской Федерации.

Неожиданно для себя Сергей вдруг ощутил легкую грусть и понял, что ему это расставание с жаркой и пыльной Эфиопией, с центром, где он провел много дней, обучая темнокожих командос премудростям военного дела и каждодневно с ностальгией вспоминая о далекой заснеженной России, доставляет не много радости. Так уж устроен человек, что, даже покидая вроде бы и опостылевшую больничную палату, он ловит себя на мысли, что будет какое-то время откровенно скучать по людям, с которыми провел сколько-то дней вместе.

– Здорово, Викторovich! – появившийся на пороге комнаты Дрогов был собран, свеж и по-командирски энергичен. –

Как самочувствие? Головка небось бо-бо малость? На-ка, я тут тебе пивка пузырек принес – только что из холодильничка.

– Хороший ты парень, капитан, – Орехов добродушно усмехнулся, ловко скovyрнул с бутылки пробку и без стеснения присосался к горлышку. – Вах, спасибо, дарагой, савсэм хорошо пошло! Ну что, слез лить мы не будем – давай краба, да поеду я к летунам. Там, наверное, вертушка уже лопастьями помахивает. Как там у классика: «В Москву, в Москву!» За пряниками, блин...

– Товарищ подполковник, там ребята на плацу построились, – сменив тон, негромко сказал Дрогов, кивая куда-то в сторону. – Наверное, проститься надо бы – все-таки вы не один день с ними прослужили. И ценят они вас, уважают – точно говорю, сам не раз слышал.

– Уважают, говоришь? – Сергей аккуратно поставил опустевшую бутылку на стол и согласно повел головой. – Это хорошо, правильно. Да о чем разговор – конечно, подосвиданьяемся. А точнее – попрощаемся. Слово-то какое паскудное... Ладно, давай, капитан, вперед, к нашим темненьким рейнджерам!

Строй из полусотни темнокожих парней самого разного возраста выглядел молчаливо и внушительно. Пятнистый коричневато-зеленый камуфляж, берцы, черные береты. После команды сержанта из местных командос стали по стойке «смирно» и, как обычно на утреннем разводе, попривет-

ствовали командира, начальника и инструктора в лице подполковника Орехова. Сергей молча прошелся вдоль строя, не без грустинки в глазах всматриваясь в лица теперь уже не подвластных ему курсантов, с которыми он пролил не один литр пота на занятиях и учениях. Каждый из курсантов, вопреки обычному воинскому правилу «есть глазами начальство», взгляд перед подполковником опускал – Орехов давно уже знал, что у местных это считается знаком уважения. Пройдя вдоль строя, подполковник вернулся к Дрогову и негромко произнес:

– Ну что, товарищи бойцы, повезло вам – уезжаю я. Теперь вам, наверное, нового инструктора пришлют – может быть, он помягче с вами обходиться будет. Хотя я так вам скажу: лучше здесь, в учебном центре, сто ведер пота пролить, чем потом где-то литр-другой крови. Учитесь, ребята, хорошенько, а то война двоек ставить не умеет – ее отметка чаще всего в виде креста на могилке, – тут Орехов слегка смешался, припомнив, что перед ним стоят не только христиане, по странному капризу истории составлявшие большинство эфиопов, но и мусульмане. – В общем, удачи вам всем, ребята, и прощайте. Как говорят у нас, в России, не поминайте лихом.

Говорить больше было не о чем, и подполковник просто поднес ладонь к козырьку кепи, или, как говорят гражданские, «отдал честь» – хотя этот международный жест на самом деле именуется «воинским приветствием».

На какое-то время на плацу воцарилась тишина, а затем в строю произошло некое шевеление и к подполковнику подошел один из бойцов. Не говоря ни слова, парень протянул Орехову длинный нож в ножнах темной кожи. Нож Сергей узнал сразу – этой замечательной работой каких-то местных умельцев он любовался не раз и даже слегка завидовал его владельцу. Что рукоятка, что длинный, слегка отливавший синевой клинок, что ножны из толстой кожи, в которых нож прятался почти целиком, – все было настоящим произведением искусства. Орехов по достоинству оценил дорогой подарок и, быстро сдернув с запястья браслет недешевых часов, немного сконфуженно протянул бойцу.

– Спасибо, парень! А это тебе – на память... Ну, все-все – становись в строй.

Подполковник еще раз окинул всех, теперь уже бывших, своих учеников, снова вскинул ладонь к козырьку и через мгновение молча направился к ожидавшему в стороне запыленному «уазику».

Спустя полчаса Орехов на старенькой вертушке летел в сторону Аддис-Абебы и с высоты птичьего полета любовался красотами Эфиопии – хотя, собственно, смотреть было и не на что, да и «любовался» – пожалуй, неточно и слишком громко для нескольких лениво-рассеянных взглядов, брошенных в иллюминатор. Внизу проплывала однообразная красно-коричневая унылость пыльных гор, местами перемежавшаяся желтоватыми участками степей или зелеными ост-

ровками кустарников и лесов. Пару раз удалось увидеть стада каких-то антилоп, да промелькнули нескладные силуэты забавных жирафов.

Прошло еще три часа, и, поднимаясь по трапу на борт огромного «Боинга» в столичном аэропорту, подполковник, небрежно глянув через плечо, мысленно сказал Африке «прощай!» – на этот раз, как казалось Орехову, навсегда.

3

Военная тюрьма Форт-Ливенуорт, штат Канзас, США, август 2011 года

...В который уже раз Стив убеждался, что яйцеголовые умники говорили правду, рассуждая о всяких там недобрых аурах и «сгустившейся атмосфере зла». Именно такую атмосферу Томпсон мгновенно почувствовал в первые же мгновения после того, как охранник легонько подтолкнул его в спину жесткой дубинкой, пропуская во внутренний дворик, где обычно прогуливались заключенные. Стив сразу отметил, что, против обычного, на площадке находились всего двое: огромный негр с неправдоподобно накачанными мышцами и казавшийся тщедушным мужчина среднего роста лет сорока пяти. Видимая тщедушность могла бы, пожалуй, обмануть обычного человека, но бывший боевой пловец, прошедший отличную выучку в элитном центре спецназа, где его всерьез учили убивать человека всеми мыслимыми и немыслимыми способами, прекрасно понимал, что это не болезненная худоба, а невероятно опасная жилистость. Такая же, какой обладают матерые северные волки, умеющие загонять и убивать даже великана-лося, который без особых

раздумий смело вступает в схватку с медведем гризли...

Негра Томпсон знал плохо – видел несколько раз на прогулках да в столовой. Возможно, и в спортивном зале, где эта туша потела и пыхла, тягая железо и истязая тренажеры. А вот о жилистом, пожалуй, знал каждый, кто сидел в Форт-Ливенуорте: этот немногословный мужик, по слухам, служил где-то там в «зеленых беретках» или в чем-то подобном и сел вроде бы за убийство – не то четверых, не то пятерых прикончил. Причем не расстрелял, а именно угробил голыми руками. Может быть, помогал себе ножом – кто знает... За что – толком никто не знал. Зато вся тюрьма знала, что бывший спецназовец по кличке Тихий Джек является кем-то вроде местного теневого короля и без его ведома не упадет ни один волос с головы любого зэка. И наоборот: если ты вызвал недовольство Тихого Джека каким-либо косяком, то можешь смело бежать в сортир и намывать веревку...

Еще не прозвучала устрашающая тирада про задницу и сунса, а Стив уже все прекрасно понял. Значит, господин адвокат оказался действительно не простой пешкой, если ради него администрация устроила прогулку всего лишь для троих. Заплатили кому или просто был звонок от какой-то важной шишки – какая разница, если важен результат: сейчас эти двое будут его, Стива Томпсона, если и не убивать, то основательно учить хорошим манерам – точно!

Черный здоровяк изрыгнул свое «эй ты...» и небрежно махнул ладонью, приглашая жертву подойти поближе, после

чего картинно начал разминаться, с шумом ударяя кулаками по воздуху и по-боксерски подпрыгивая на носках. Стив, несмотря на всю серьезность ситуации, едва не прыснул издевательским смехом – тоже мне, Мохаммед Али нашелся!

Спешить под массивные кулаки Томпсон не стал – наоборот, мягко ступая, отошел в дальний конец площадки, высвобождая место для возможного маневра. Хуже нет, когда у тебя в драке открыта спина или ты зажат в угол.

– Ты, урод, плохо слышишь? Хорошо, я сам подойду, – темнокожий легко двинулся в сторону бывшего боевого пловца, недвусмысленно ударяя правым кулаком в открытую ладонь левой...

То, что парень никогда всерьез не занимался рукопашным боем, Стив понял сразу и мысленно облегченно вздохнул. Но и расслабляться не стоило: одного пропущенного удара со стороны этой глыбы тренированных мышц вполне достаточно, чтобы лишиться нескольких зубов и отключиться на часок-другой. Черный со свистом молотил воздух мощными кулаками, старательно наседав на оказавшегося неожиданно таким увертливым мужика, пытаясь загнать жертву в угол и там одним-двумя ударами закончить всю эту явно затянувшуюся возню.

Томпсон упорно избегал ближнего боя, с ловкостью хоряка увертывался и ускользал из-под самых, казалось, верных и точных ударов – просто ждал, когда противник окончательно выдохнется, разозлится и подставится под удар. Удар дол-

жен быть всего один, но он будет точным, сильным и завершающим...

Темнокожий с шумом и хрипом выдохнул, нанес еще один размашистый удар – такой резкий и сильный, что с его мокрого лба веером брызнули капли пота – и тут же дико взвыл от боли. Вместо наглой рожи этого самоуверенного хорька, скусна поганого, кулак со всего маху врезался в бетонную стену. В глазах здоровяка потемнело от боли и непонимания случившегося, и он уже не видел, как Стив сильным и точно выверенным ударом по коленному сгибу сбил его с ног и, уже падающего, добил коротким ударом в висок...

– Аут! – удовлетворенно кивнул невозмутимо наблюдавший за боем Тихий Джек и без особого интереса спросил: – Ты же не убил его, надеюсь? Если да, то ты меня здорово разочаруешь.

– Мне лишние проблемы не нужны, – на всякий случай не выпуская из виду ни Тихого, ни поверженного, уже начавшего потихоньку шевелиться противника, настороженно ответил Томпсон, хотя уже было понятно, что Джек на него нападать и не собирался. – Скоро оклемается. Кости тоже, думаю, целы. Разве что кулак у него здорово распухнет и станет еще больше.

– Закуришь? – Джек протянул собеседнику открытую пачку очень приличных сигарет. Видя, что Стив все еще опасается какого-нибудь подвоха, усмехнулся и сухо пояснил: – Много чести для тебя, паренек, чтобы я дрался с тобой. Бери

сигарету и присаживайся...

Прошло минут пять, прежде чем мужчина вдавил в бетон догоревший до фильтра окурков, неторопливо отряхнул ладони и негромко произнес:

– Вот что, парень... Я твоих дел не знаю, да и знать не хочу. И против тебя лично ничего не имею. Но нашлись довольно серьезные люди, которые заплатили мне за то, чтобы мы тебя немножечко поугадили. Сегодня ты показал, что постоять за себя можешь... А завтра? Они ведь могут предложить еще более серьезные деньги. Чем все закончится, догадываешься? Вот именно: рано или поздно тебя найдут с перерезанным горлом. Даже самый крутой и подготовленный боец имеет слабое место – он должен хотя бы немного, но спать... А во сне любой дохляк без труда проткнет тебя самой обычной заточенной железякой. Хочешь совет? Ты подумай еще разок и соглашайся на все, что тебе предлагают эти люди. А дальше – жизнь покажет... И помни: живая собака все-таки счастливее мертвого льва.

– Наверное, ты прав – я подумаю об этом, – прижимаясь затылком к нагретой стене, рассеянно пообещал Томпсон, поглядывая на охранника, маячившего на галерее, окружавшей площадку для прогулок. На фоне голубовато-серого неба темная фигура, заштрихованная нитями стальной сетки, выглядела совсем безобидной и мирной – даже при том, что на плече крепкого паренька висел на широком ремне короткоствольный автомат. Да и знал Стив, на что способны

эти безобидные парни, если их хорошенько рассердить... А этот прогуливается, старательно в сторону отворачивается – убивайте, кого и сколько захотите... – Я подумаю. И как ты там сказал? Живая собака? Точно – только у живой собаки клыки что-то да значат...

После столь занимательной, да и познавательной тоже, как оказалось, прогулки Томпсон, сопровождаемый охранником, прошел в обратном порядке все коридоры, переходы и локальные зоны и вернулся в свою камеру. Несколько минут тупо вышагивал по диагонали из угла в угол – особенно не разгуляешься, поскольку получалось шага три в одну сторону и столько же в другую. Затем остановился и после недолгих раздумий решительно шагнул к крохотному столику и выдернул из стопки дешевеньких книжек и журналов обычную ученическую тетрадь. Развернул, взял в давно отвыкшие от любой писанины пальцы ручку и вывел на белом листе аккуратную единицу. Подчеркнул цифру и быстро начал писать...

«Так, парни, раз вы так стремитесь заполучить меня, значит, есть у вас на то веские причины... Какие, хотел бы я знать. Итак, начнем, пожалуй, с самого начала... Кто я есть такой? Стив Томпсон, бывший боевой пловец, а ныне обычный уголовник. Впрочем, не очень-то и обычный – срок в двадцать лет обычным лихим ребятам не навешивают. И сидеть в этой поганой клетке мне еще долго, очень долго. А они готовы, похоже, меня отсюда вытащить... Почему имен-

но меня?! На воле что, ни одного приличного ныряльщика не осталось? Есть – и сколько угодно.

Тогда, вероятно, в придачу к ныряльщику им нужен хорошо подготовленный боец – и здесь моя спецподготовка играет большой плюс. Так, ставим жирный такой плюстик... Можно в актив записать и то, что в пловцы я попал из корпуса морской пехоты – там тоже ведь не в пляжный волейбол учили играть. И как следует учили! Думай, Стив, думай! Поймешь, почему именно ты, – дойдешь и до всего остального...»

Томпсон исчеркал всю страницу малопонятными заколючками, цифрами и значками, но так и не смог сообразить, почему эти неизвестные ребята остановили свой выбор именно на нем.

Ныряльщик им нужен. Куда и за чем нужно будет нырять? А может быть, они кладоискатели – поговаривают, сегодня это вроде бы модно. Охотятся за каким-нибудь старым испанским галеоном, на котором находится груз золота... Или за нацистской подводной лодкой, затонувшей в конце той Мировой войны, – говорят, они тоже и ценности немалые перевозили, да и архивы всяких там гестаповцев все еще в цене? Да ну, какие субмарины и галеоны – бред какой-то, кино дешевенькое...

Стив даже взмок от усердия и уже готов был признать, что теперь-то он хорошо понимает, за что умные люди платят огромные деньги грамотным аналитикам. Мозгами ше-

велить – это вам не упражнения с бревном, когда кучка здоровенных дураков, краснея от натуги, качает пресс. Тут ты не в команде, здесь приходится отдуваться одному!

Стоп! Бывший спецназовец даже слегка оторопел от внезапно мелькнувшей догадки. Черт побери, значит, так, да? Если бы Томпсон хоть что-нибудь слышал о забавном старике по имени Архимед, то он непременно заорал бы на всю камеру: «Эврика!» Но поскольку морпеху и боевому пловцу лишние знания ни к чему, то заключенный лишь проворчал сквозь зубы: «Суки! Так, значит, да... Ну ладно, будь по-вашему! А уж потом мы посмотрим, у кого на руках окажется больше козырей!»

Теперь он почти наверняка знал, почему выбор неведомых работодателей пал именно на него, и примерно представлял себе, что же будет дальше, после того, как он в первый раз уйдет под воду. Но все это потом, позже, а сегодня Стив Томпсон уже точно знал, что во время следующей беседы с крысой-адвокатом он скажет твердое «да»...

Борт «Боинга-747», следующего по маршруту Аддис-Абеба – Москва, август 2011 года

В салоне «Боинга» Орехов, по русскому обыкновению, принял на грудь граммов несколько и, чувствуя, как приятное теплое облачко разрастается под ложечкой и далее нежным туманцем обволакивает голову, какое-то время бездумно смотрел в иллюминатор. Там под крылом лайнера проплывали бесконечные поля ватных облаков, залитых ярким солнечным светом. Иногда в полях образовывались голубые проплешины, вызывавшие ассоциации с небольшими озерами, окруженными белыми сугробами. Правда, тарашиться в окошко подполковнику быстро надоело, и в голове снова начали роиться невеселые мысли – как о прошлом, так и о ближайшем будущем.

Орехов, конечно же, не стал рассказывать хорошему парню Дрогову о том, что для скверного настроения у него была еще одна причина. Умники не зря утверждают, что в жизни любого мужика в восьми неприятностях из десяти виновата женщина – «шерше ля фамм», если изящно и по-иностран-

ному... Причина носила имя Елена, была рыжеволоса, очень даже симпатична и имела массу достоинств, одним из которых была вызывающая по отношению к возрасту подполковника молодость. Кроме всего прочего Елена была журналисткой, что ныне считается профессией солидной и в какой-то мере даже опасной.

Именно журналистика однажды и стала косвенной причиной неприятностей, в которые ненароком влипла девушка. А Сергею судьба подкинула возможность спасти незадачливую рыбку пера и чернильницы из волосатых рук парочки темно-волосых злодеев. Согласно законам жанра спасенная девушка почти мгновенно почувствовала к очень мужественному спасителю вполне понятные теплоту, симпатию и даже в какой-то мере любовь. А поскольку подполковник не очень-то и сопротивлялся, то между не очень молодым спецназовцем и юной журналисткой случилось то, что в прежние времена красиво именовали романом.

Правда, роман получился не очень длительным: Орехов вскоре умчался в Эфиопию, и возникшая было бурная переписка до обидного быстро из полноводной реки превратилась в жалкий ручеек, а затем и вовсе капнула прощальной запиской, содержание которой было непростительно для журналистки банальным – мол, прости, дорогой, я немножечко ошиблась; все было замечательно-чудесно, но ждать неведомо сколько времени бесперспективного и немолодого, когда вокруг столько приятных во всех отношениях и бога-

теньких мальчиков...

Не сказать, чтобы для Орехова эта отставка стала большой неожиданностью или трагедией – мужик он был взрослый, понимающий и особых иллюзий по поводу длительности любви Елены к нему не питал. Ну да, случилась у девочки очередная влюбленность – так ведь и есть в кого! – но выветрилась. Ничего страшного, бывает. Но вот «бесперспективность» резанула подполковника прямо-таки острым стропорезом поперек закаленной армейской души: что ж вы, ребята, все меня списываете, а? То врач-лепила в госпитале с боевой работы списал, то теперь вот девчонка эта...

Что-то там в Москве еще будет... Могут ведь и действительно в отставку с волчьим билетом вышвырнуть. Да плевать на волчий билет, прикидывал Сергей, а вот без армии мне и в самом деле будет кисло, очень кисло. Как там Дрогов сказал – самурай? И ведь прав он, ох прав. Я мог сколько угодно хорохориться и перед капитаном несгибаемого бодрячка разыгрывать, но себе-то можно и нужно честно признаваться, что без армии жизнь моя, конечно же, не кончится, но потеряет очень и очень многое. Никому и нигде не нужный старый дурак. И какого черта в рожу этому полкану тогда въехал? Кому что доказал? Разве что весь белый свет еще раз увидел, какой он, подполковник Орехов, придурок и нервная барышня. Таким в спецназе не место: выпрут тебя – и правильно сделают! Ладно, в Москву прилетим, а там посмотрим. Может быть... Что может быть в Москве, Сергей

додумать не успел, так как мысли вдруг начали как-то бес-толково суетиться и он уснул – спокойно и крепко.

Разбудил Орехова довольно-таки приятный женский го-лос: бортпроводница объявила, что самолет вот-вот начнет заходить на посадку, и предложила пассажирам пристегнуть ремни. Подполковник щелкнул застежкой, без особого ин-тереса глянул в иллюминатор, где далеко внизу уже видне-лась живая топографическая карта Подмосковья, слегка за-штрихованная сероватыми облаками, и снова прикрыл гла-за. Перелет заканчивался – пора было заканчивать и пустые бабьи охи да ахи. В ту минуту, когда колеса шасси осторожно коснулись бетонной ленты взлетно-посадочной полосы, при-норавливаясь соприкоснуться уже основательно и уверенно, Орехов твердо решил для себя, что просто так вышвырнуть себя из армии он никому не позволит. Умные люди говорят, что спецназ в отставку не уходит. Все верно. Только подпол-ковник добавил бы, что и сдаваться спецназ не приучен – нет у спецназовцев такой дисциплины, как «сдача в плен». Сергей уже не помнил, где и у кого прочел красивую фразу: «Серебряные волки бьются до конца!» Да это и неважно, кто сказал, – главное, что фраза подполковнику нравилась, и он собирался именно биться, и непременно до конца. А исход этой драки мог быть только один – победа...

Посадка «Боинга» в домодедовском аэропорту прошла в штатном режиме, то бишь вполне успешно, и подполковник вместе с десятками остальных пассажиров неторопливо спу-

стился с высокого трапа на московскую землю, старательно прикрытую слоями качественного бетона и асфальта.

Терминал, таможня вскоре остались позади, затем Орехов миновал огромный и сдержанно-шумный зал прилетов и направился к стоянке такси. Можно было, конечно, не шикуюя и не тратя лишних денег, скромненько добраться до столицы и на электричке или на простой маршрутке, но Сергей решил не мелочиться – не каждый день подполковники спецназа возвращаются на Родину из служебных заграникомандировок. Примерно через час Орехов расплатился с таксистом и, окинув уважительным взором солидное здание, имевшее самое прямое отношение к Министерству обороны, решительно выдохнул и направился к высоким входным дверям.

– Орехов! – негромкий оклик вывел подполковника из состояния некоторой озабоченной задумчивости и мрачно-ватой печали. Сергей приостановил свое восхождение по широким, по-армейски чистым ступеням и поискал взглядом владельца довольно приятного баритона, каковым скорее всего мог быть только хорошо знакомый подполковнику человек. Так, а вот и человек: крепкий мужик в общевойсковой форме с погонами полковника. Да никак сам товарищ Вашуков встали с диванчика и неторопливо шествуют к прибывшему из африканских краев старому другу!

С Вашуковым Сергей был знаком уже несколько лет, а в недалеком прошлом им вместе пришлось поучаствовать в одной очень даже серьезной операции все в той же Африке.

Полковник, обычно носивший форму морского пехотинца, возглавлял созданное под крылышком ГРУ подразделение боевых пловцов, носившее красивое название «Дельфин» и базировавшееся неподалеку от славного города Калининграда. Подразделение было создано еще во времена СССР и в основном предназначалось для разведывательно-диверсионной работы за рубежами Родины. Сколько было таких операций и были ли они вообще – открытые источники умалчивают, поскольку секретность некоторых действий военных никто и нигде в мире еще не отменял. Вообще-то, это не столь и важно – главное, что такие подразделения в ВМФ России были, есть и будут, покуда существуют армия и флот, до тех пор в них и останутся отлично подготовленные боевые части, занимающиеся серьезной работой.

– Ты какими судьбами здесь? – не скрывая иронии, спросил Орехов полковника после обмена обычными в таких случаях приветствиями-рукопожатиями. – Погоди-ка... Уж не по мою ли душу? Господин полковник, не смею верить своему счастью! Для нас это... В общем, приятность невероятная и честь неслыханная!

– Хватит придуриваться, – негромко оборвал Вашуков дурашливое ерничанье товарища и предложил: – Вон, давай на лавочку отойдем, присядем да покурим маленько.

– Как ты узнал, что я именно сегодня и в это время сюда приду? – выпуская в сторону голубоватую струйку дыма, подозрительно прищурился Орехов.

– Я смотрю, тебе там в Африке и правда здорово голову напекло. Ты не забыл часом, в какой конторе мы работаем? А поскольку ты для меня человек не совсем чужой, то карьерой твоей умопомрачительной и подвигами я маленько интересуюсь. Так что можешь считать, что я в курсе той замечательной истории с мордобитием, и более того – я на твоей стороне. В штаб, так понимаю, прибыл за большим пряником?

– Ну да, что-то вроде этого, – уныло кивнул Орехов, прикуривая новую сигарету. – За большим – это точно. Боюсь, даже не унесу...

– Ладно, не буду томить и терзать твою нежную душу, – понимающе улыбнулся Вашуков и негромко прихлопнул ладонью по солидной кожаной папке, лежавшей рядышком на широких рейках скамейки. – Вот здесь, в этой папочке, лежит приказ о переводе одного разгильдяя из, так сказать, сухопутного спецназа в доблестную морскую пехоту. Добро пожаловать в корпус морской пехоты, сынок! Как-то так америкашки в своих кинах говорят, нет? А про того мудака с его доносом просто забудь. У нас, между прочим, тоже есть серьезные мужики за спиной, и лампасы у них даже поярче будут, понял? Вот и ладненько.

– погоди, не гони кобылу... Вот так, да? Полковник, а ты меня спросил? – Орехов посмотрел на друга серьезно и откровенно неприязненно. – А если я просто не хочу больше щеголять в казенных сапогах, а? Ты не подумал о том, что

мне, может быть, уже осто... чертели все эти рожи, которые творят с армией что им заблагорассудится! И такое порой творят, что закрадывается мысль, что России ли они с таким рвением служат? Так вот, дорогой мой морпех, я в эти игры больше не играю. Все, наигрался! Пошло оно все к чертовой матери! А работу я себе найду – вон, в какой-нибудь банк охранником устроюсь.

– А это ты видел? – Вашуков с неожиданным проворством сложил пальцы в кукиш и ткнул затейливую фигуру подполковнику чуть ли не в глаз. – Надоело ему! Ты в кусты убежишь, я на покой уйду, Скат с Тритоном в деревню самогонку жрать отправятся – с кем армия и флот останутся? Кто дело будет делать?! Эти... рожи, о которых ты толкуешь? Ну уж нет, родной ты наш, ни хрена у тебя не получится! Ты, между прочим, Родине присягал, и никто тебя от этой присяги не освобождал, понял?! И погоны с плеч не снимал. Так что утри сопли, закури еще одну свою атомную «Приму» и слушай сюда, товарищ подполковник спецназа...

– Скат с Тритоном где сейчас? – хмуро поинтересовался Сергей и, заметив, как насмешливо-недоуменно поднял брови морпех, досадливо поморщился: – Да ладно тебе невинной девицей прикидываться! А то я не понимаю, что вместе с формой морского пехотинца ты сейчас всучишь мне предписание смотаться куда-нибудь на другой край света и раздобыть для тебя аленький цветочек, разве нет? Так я и не против – но беспрерывно только в компании с этими шуст-

рыми ребятами. Так где твои ластоногие сейчас воду мутят? Если это не жуткая военная тайна, конечно.

– Да какая тайна, – лениво отмахнулся Вашуков и ткнул пальцем куда-то себе за спину: – В далеком Южно-Китайском море твои друзья-соратники плещутся – учения там совместные российско-китайские. Делятся, так сказать, опытом с китайскими товарищами. Но об этом чуть позже и не здесь. А здесь мы с тобой сейчас... В общем, должны мы за встречу по стакану накатить, или мы не русские, а?

– Да я что, – пожал плечами Орехов, – мы насчет водки всегда. Слушай, а с чего Каткова с Трояновым на учения в такую даль отправили? Там же, во Владивостоке, своя база морпехов есть и пловцы небось не хуже твоих имеются.

– Мои круче! А вообще-то, начальству виднее, – многозначительно сказал морпех и, понизив голос, пояснил: – Я так понимаю, что на те учения собрали боевых пловцов со всех наших частей. Это чтобы наши ребята на работу китайцев вблизи посмотрели. Соображаешь? Они у нас учатся, мы что-то полезное у них перенимаем – это нормально. Все, идем в корчму! Я тут неподалеку знаю одно очень даже приличное местечко...

В небольшом кафе, которое Вашуков пренебрежительно обозвал корчмой, нашлись и свободные по дневному времени места, и весьма недурная водка, и приличествующая случаю закуска. Выпили по первой, слегка закусили, потом повторили. Не забыли и о традиционном тосте, когда пьют не

чокаясь – что у одного, что у другого, конечно же, нашлось, за кого выпить. Некоторое время молча курили, окутываясь серо-голубоватыми лентами дыма, а затем Орехов недобро кивнул в сторону, где осталось молчаливо-солидное здание штаба, и ощерился чисто по-волчьи.

– Так как, говоришь, они называли меня? – припоминая старый мультик про Маугли, спросил подполковник морпеха. – Желтой рыбой?

– Безногим земляным червяком! Желтым жирным червяком, – ухмыльнулся, подхватывая игру, Вашуков. – А еще толстым и глухим старым бревном – падла буду, если вру!

– Ну, старый удав Каа еще покажет этим бандерлогам, где у рака... – не закончив фразы, Орехов сплюнул, прикурил новую сигарету и уже серьезно и требовательно посмотрел в глаза морпеху: – Ну давай, господин полковник, выкладывай, «и где, и что у нас случилось?..»

5

Штаб-квартира частной корпорации, Калифорния, США, август 2011 года

Словосочетание «Военно-промышленный комплекс» вызывает у неискушенного в тонкостях военного производства обывателя видение некой призрачно-непонятной структуры, которая представляет собой громадный завод. Именно на этом, нарисованном воображением заводе в сполохах огней литейных цехов, в грохоте штамповочных и в монотонном течении конвейеров рождаются стальные монстры. Танки лихо выкатываются из сборочных цехов, боевые самолеты тихо выплывают из-под сводов громадных ангаров, и сдержанно-суровые корабли скатываются со стапелей, вздымая тучи грязных брызг. Да, в реальной жизни заводы выпускают и танки, и самолеты, и корабли. Но разработка и производство всего этого стального великолепия являет собой лишь часть айсберга-колосса, во всем мире обозначаемого тремя скромными буквами ВПК.

Военно-промышленный комплекс США – как, впрочем, и ВПК любой другой страны – это почти секта, в которой неисчислимы прихожане и множество их пастырей молят-

ся лишь двум богам: Марсу и Доллару. И мало кто догадывается, что влияние боссов комплекса и на внутреннюю, и на внешнюю политику страны гораздо серьезнее, чем может себе представить простой налогоплательщик. Достаточно вспомнить о такой замысловатой штуке, как военно-промышленное лобби, то есть объединения промышленников и предпринимателей, поддерживающих военные инициативы государства. А поддерживают господ бизнесмены «военные инициативы» не просто развлечения или патриотизма ради, а всего лишь с целью получения новых заказов для так называемой «оборонки». Для этого же серьезные люди делегируют в парламент лояльных к ВПК политиков. Лояльность политиков, как нетрудно догадаться, тоже стоит очень дешево...

Каждый из пяти видов вооруженных сил США, куда следует добавить и несколько силовых структур, может заказывать производителям самые разнообразные виды вооружений, техники, спецснаряжения и прочих вещей – правда, лишь после утверждения заказа соответствующей комиссией Сената. Заказ обоснован, утвержден, принят к исполнению. Бюджет Штатов выделяет деньги – много-много веселых серо-зеленых долларов. Эта гора денег – как бы велика она ни была – заправилам ВПК всегда казалась и будет казаться всего лишь невысокой кочкой. И чтобы она росла выше и выше – нужен враг. Враг страшный, коварный, безжалостный, даже во сне видящий, как он уничтожает мирных

и добродушно-доверчивых американцев...

Кроме того, ВПК – это, по сути, самое обычное капиталистическое предприятие. А о капитале давным-давно один бородатый умник написал, что «нет такого преступления, на которое капитал не рискнет пойти ради трехсот процентов прибыли – хотя бы и под страхом виселицы!» Знатоки утверждают, что мудрость сия написана неким Томасом Даннингом, а Карл Маркс ее просто процитировал в своих работах. Кому из старцев принадлежит авторство – не столь важно, поскольку главная штука кроется в том, что оба они ошиблись. Капитал века девятнадцатого с его жалкими мануфактурами и свечными заводиками здорово отличается от монстра двадцать первого столетия. Монстр-21 силен, циничен и беспощаден. И готов на любое преступление ради прибыли, выражаемой даже небольшими, очень скромными цифрами...

– Мы намерены и впредь поддерживать принципы здоровой и честной конкуренции, которые должны распространяться не только на производителей электроники в США, но и на аналогичные предприятия и компании всего мира! – полноватый, заметно ухоженный мужчина лет тридцати пяти легко развернулся вместе с креслом и неопределенно повел ладонью, изобразив некий замысловатый образ. Тут же на секунду замер, думая о чем-то своем, недовольно поморщился и продолжил: – В общем, как-то так! Остальное доработайте сами, миссис, – в конце концов, именно за это я пла-

чу вам неплохое жалованье. Только непременно не меньше трех раз упомяните в тексте о «здоровой и честной конкуренции»! Все, вы можете идти. Попросите приготовить мне кофе. Пожалуйста. Да, и еще... Начальник службы безопасности прибыл?

– Мистер Доу, насколько я знаю, сейчас находится у себя в кабинете, – поправляя в папке бумаги, учтиво, но с отчетливой долей сухости ответила пресс-секретарь. – Так я свободна, мистер Гардинг?

– Да-да, вы можете идти. И пригласите ко мне Доу! Я жду этого бездельника уже полтора часа!

Гардинг проводил неприязненным взглядом пресс-секретаря, поспешно покинувшую кабинет: казалось, даже напряженно-прямая спина женщины излучала презрение и ненависть – причем не только к неприветливому, жесткому начальнику, но и ко всему миру. Мужчина едва приметно усмехнулся. Вдруг подумалось, что если бы он умел читать чужие мысли, то можно смело спорить на тысячу баков, что эта злобная девка наверняка сейчас бормочет про себя что-нибудь вроде: «самодовольный ублюдок!» Правда, Гардингу на это было решительно плевать, поскольку он был твердо убежден, что подчиненные и не обязаны любить своего шефа. Уважать, бояться – да. Ненавидеть? Еще лучше! По мнению Гардинга, ненависть к вышестоящим стимулировала профессиональный рост и заставляла работника как можно добросовестнее относиться к своим прямым обязанностям –

чтобы сволочи-боссу решительно не к чему было придраться...

– Разрешите, мистер Гардинг? – в кабинет почти бесшумно вошел средних лет мужчина в обычном сером костюме, который по замыслу его владельца явно должен был сколько-нибудь облагородить туповатый облик начальника службы безопасности. Попытка оказалась не очень-то удачной – с помощью обычных тряпок природу изменить мало кому удастся. Правда, Гардинг знал, что в случае с Доу внешность совершенно не соответствовала его опыту, уму и хватке – свою работу этот парень знал досконально и выполнял практически безукоризненно. – Вы хотели меня видеть?

– Да, Доу, хотел. Присаживайтесь. Можете курить, – босс, не глядя на подчиненного, провел ладонью по сверкающей поверхности стола и негромко повторил: – Да, хотел. Но не столько видеть вас, сколько услышать, что там новенького с вашим уголовником из военной тюрьмы? Он согласен работать на нас?

– Да, босс, – сдержанно кивнул Доу и пояснил: – Сначала он заартачился, мол, мне и тут хорошо и все такое, но мы самую малость нажали, и он согласился. Правда, думаю, сделал он это без особого восторга, но нам ведь на его настроение плевать – главное, чтобы он грамотно и толково сделал свою работу. А уж за этим мои ребята проследят! Все будет в лучшем виде, босс, а там уж...

– Что будет потом, мне совершенно плевать, как вы тонко

подметили, – грубовато перебил Гардинг главу службы безопасности. – Я просто хочу еще раз напомнить, что ни у вас, ни у ваших людей нет права на ошибку. Я ничуть не сомневаюсь, что в предполагаемый район поиска ринутся все кому не лень, включая и наших спецов из ВМФ, из ЦРУ и прочих солидных «синдикатов» и даже русских. Даже так: думаю, что именно русские приложат все силы, чтобы оказаться на месте первыми, – что-что, а военные у них умеют прекрасно работать до сих пор. Так вот, или мы доберемся до объекта первыми, или... Нас ждут очень большие неприятности. Очень большие! Я без работы, конечно, не останусь, а вот вам, Доу, придется совсем хреново! Скинете вы свой шикарный костюмчик и отправитесь на какое-нибудь тexasское ранчо открывать ворота в загоне для коров – и то лишь в случае, если здорово повезет. Если же нет... Короче, неудачу я даже и рассматривать не желаю! Сколько вам понадобится времени, чтобы вытащить этого пловца из тюрьмы?

– Минимум неделя, – уверенно произнес Доу и уже менее уверенно добавил: – Вы же понимаете, что за день-два такую операцию осуществить просто невозможно. Я понимаю, что время дорого, босс, – мы сделаем все от нас зависящее... Уверяю, как только мы вытащим его, так сразу и отправим искать этого чертова утопленника.

– Три дня, – нажал голосом босс. – Даю вам целых три дня, Доу. Когда наступит четвертый – он уже всюю должен плавать, нырять и все остальное.

– Мистер Гардинг, простите, но не могли бы вы мне немного подробнее объяснить, из-за чего такая спешка вообще? Нет, я понимаю, что нельзя допустить, чтобы спутник попал в руки к русским или китайцам, но вы говорите, что мы должны и наших же военных опередить! Я правильно вас понял?

Вместо ответа босс раскрыл одну из папок, лежавших на краю стола, и подтолкнул собеседнику несколько скрепленных между собой листочков.

– Вот, прочтите отмеченные маркером места!

«Использование деталей и поддельных электронных устройств китайского производства в американских оружейных системах крайне распространено, – Доу быстро пробежал глазами первую фразу и дальше начал читать более внимательно, не пропуская ни одного слова: – К такому выводу, как сообщает Defense News, пришла Комиссия Сената США по делам вооруженных сил (ASC), расследовавшая появление подделок в войсках на протяжении последних нескольких месяцев. По данным комиссии, проверившей происхождение более ста поддельных электронных устройств, 70 процентов деталей в них были закуплены в Китае. Еще 20 процентов деталей прибыли из Канады и Великобритании, которые через посредников тоже приобрели их в Китае.

Поводом для масштабного расследования стал доклад министерства торговли США, обнародованный в январе 2011 года, согласно которому за последние несколько лет участи-

лись случаи обнаружения поддельных компонентов в американской военной технике. Согласно выводам ASC «эпицентром» поддельных электронных деталей является китайский город Шэньчжэнь...»

– То есть, – отодвинув от себя бумаги и осторожно подбирая слова, начал Доу, – вся эта суета из-за того, что и мы...

– Вот именно, приятель, и мы тоже... – Гардинг налил в стакан воды, выпил, не предлагая собеседнику, и раздраженно добавил: – И если это дерьмо всплывет, то нам грозят такие неприятности, такие убытки, что... Хотя что это я – неприятности, Доу, это когда жена застает вас в постели с конюхом! А то, что ждет нас в случае неудачи, именуется катастрофой и гибелью.

– Простите, босс, я ведь не специалист, – виновато пожал плечами Доу, – и всегда думал, что если спутник, выведенный на орбиту, падает, то он сгорает в атмосфере – в этих... в плотных слоях, нет? Как же этот-то уцелел?

– По-разному бывает, – скупно улыбнулся хозяин кабинета. – Сгорают остатки топлива и масса бесполезных железок, но кое-что и остается. Причем остается всегда. Доу, если совсем просто, то самые главные приборы и прочая хрень очень тщательно упрятаны в несгораемые капсулы. Сами понимаете, иначе все астронавты попросту сгорали бы, как бумага, но они уже много лет мотаются туда-сюда, и, как вы могли заметить, вполне благополучно. Еще вопросы?

– По поводу района предполагаемого падения... Я ознако-

мился с официальными источниками – они указывают слишком уж невероятные координаты! Это тысячи и тысячи морских миль. Как можно охватить и прочесать такую громадную территорию?! Это же абсолютно нереально!

– Доу, но вы же взрослый человек, – снисходительно усмехнулся Гардинг, – и должны понимать, что все так называемые официальные источники лукавят – кто же вам укажет точные координаты, зная наверняка, что за подобными объектами охотятся все разведки мира... Зайдите к нашим аналитикам – они подскажут более точно рассчитанное ими место падения. Хотя и они далеко не боги и даже не ясно-видящие. От себя же могу добавить лишь одно: вы не будете сколько-либо ущемлены в средствах! Ищите, заказывайте, покупайте, арендуйте, черт возьми, все самое лучшее, но найдите эту проклятую железяку и сделайте так, чтобы от нее не осталось даже микроскопических обломков! Вы хорошо поняли меня, Доу?

– Да, босс, – твердея лицом, кивнул начальник службы безопасности, – я все понял. И уверяю вас – мы сделаем все возможное! Через три дня наш Томпсон будет, как вы говорите, плавать, нырять и все такое. Мы найдем эту стальную тварь, мистер Гардинг!

– Вот-вот, именно тварь! Еще раз подчеркиваю: надо не только вырвать у нее ядовитые зубы, но и сделать так, чтобы все прочие участники поисков вместо вожака нашли только пару креветок и дохлую морскую звезду. Все,

Доу, хватит болтать – мы с вами не сценарий для голливудского боевичка сочиняем! Идите. И помните: время – это для нас сейчас не только деньги, но и многое другое, – босс снова усмехнулся – правда, на этот раз мрачновато – и добавил: – В нашем сценарии я бы написал, что речь идет о благополучии многих серьезных и очень уважаемых людей. И они настолько серьезны, что провала нам с вами никогда не простят. Так что, Доу, речь идет не о какой-то там «железке», а о наших жизнях!..

6

Желтое море, район российско-китайских учений, 170 морских миль от восточного побережья Китая, август 2011 года

Море оказалось вполне обыкновенным – серовато-голубым, а вовсе не цвета золота или пустыни. Возможно, в месте впадения в него легендарной речки Хуанхэ морские воды и имели некий желтоватый оттенок, но здесь, далеко от китайского побережья, с цветом морских волн все было в полном порядке. Хотя большому противолодочному кораблю – или БПК, если по военно-морскому – «Адмирал Кузнецов» цвет вод Желтого моря был абсолютно безразличен, поскольку у него, как и у прочих российских и китайских судов, были задачи более серьезные, чем рассматривание соленой водички у себя под форштевнем.

Российская эскадра из трех БПК и нескольких судов обеспечения, возглавляемая могучим крейсером-флагманом Тихоокеанского флота, вышла в море вместе с двумя десятками китайских боевых кораблей и подводок для проведения совместных учений. Проще перечислить, чего в планах генералов и адмиралов не было, чем рассказать обо всех ме-

роприятиях, которые предстояло осуществить и отработать российским и китайским товарищам по оружию. Здесь было и маневрирование судов, и совместное форсирование «опасных» районов, и боевые стрельбы из всех видов оружия как по морским, так и по воздушным целям, и спасение судна, терпящего бедствие, и многое другое. Для «другого» с обеих сторон имелись подразделения морской пехоты, которым были приданы группы боевых пловцов. Если морская пехота во всем мире бесспорно признается наравне с воздушно-десантными войсками элитой армии и флота, то подразделения боевых пловцов являются суперэлитой...

– Шен йо хуа йуан ли сычу чин чао-чао, сычу чин буцай чйао-чйанг, – негромко напевал, старательно выговаривая каждый слог, крепкий мужчина лет тридцати, неторопливо перебирая сложенное на расстеленном куске брезента снаряжение. Спец-акваланг, выкрашенный в скучный армейский цвет, во всем мире именуемый хаки, гофрированные шланги, маска, ласты, черный прорезиненный гидрокостюм.

– Товарищ старший мичман, и что это мы так красиво мяукаем, а? – заинтересованно спросил певца возившийся с точно таким же набором аквалангиста военный чуть постарше на вид, да, пожалуй, и ростом выше. – Что-то больно уж знакомое... А, точно – это ж «Подмосковные вечера»! Тритон, ты когда это китайский выучить умудрился? Или я что-то не догоняю?

– Так точно, товарищ капитан, «Вечера» на китайском! А

язык учил тайком от всех, по ночам. О, сколько бессонных часов я провел над китайской грамматикой, задыхаясь под одеялом...

– Трепло ты, а не Тритон, – иронически прищурился капитан Катков, среди своих чаще именуемый прозвищем-позывным Скат, – а то я не понимаю, что ты где-то слова, русскими буквами написанные, нашел и тупо вызубрил. Понты кидаешь, земноводный?

– Капитана шибко умная, на три метра под землей видит, однако, – Троянов грустным голосом похвалил командира за догадливость, сокрушенно вздохнул и принялся за разложенное чуть в стороне оружие. Правда, уже через полминуты прервал свои манипуляции и мечтательно произнес: – Вот учения закончатся, соберемся мы в кают-компании с нашими узкоглазыми товарищами, выпьем по стаканчику и устроим концерт. Они «броня крепка и танки наши быстры» на русском споют, а мы чем ответим? Вот и я говорю: конфузия! Но тут я, весь такой красивый, встаю и по-китайски «Вечера» как вжарю! Спасу, так сказать, престиж Родины и честь флота. И тогда сам товарищ вице-адмирал прослезится, крепко так обнимет меня и скажет...

– «Трепло ты, мичман!» – вот что скажет адмирал, – хладнокровно оборвал мичмана Катков и, взглянув на часы, поторопил: – Валера, время! Собираем добро – у нас до вылета тридцать пять минут осталось.

Ровно через сорок минут «Ка-27», вертолет палубного ба-

зирования, выкатился из ангара и расправил лопасти двух своих винтов. Вскоре машина, подвывая турбинами и с шелестящим свистом разгоняя тугие струи воздуха, мягко оттолкнулась от вертолетной площадки на широкой корме БПК и, слегка кренясь на правый борт, быстро пошла курсом на северо-восток.

В грузовом отсеке вертолета расположилась смешанная группа из морских пехотинцев и боевых пловцов. Задача, поставленная командованием перед спецназовцами, была проста: следовало подняться на борт захваченного террористами судна и освободить взятую в заложники команду из мирных моряков. А поскольку террористы скорее всего появлению спецназа вряд ли обрадуются, то их, по замыслу отцов-командиров, надлежало ошеломить, обезоружить и взять в плен. Или, в случае серьезного сопротивления, уничтожить.

Роль захваченного корабля должна была сыграть какая-то китайская посудина средних размеров из числа судов обеспечения. По договоренности с китайской стороной, и заложников, и злобных пиратов изображали спецназовцы из Поднебесной. С ними-то и предстояло «повоевать» бойцам российским – учитывая то, что каждая из сторон явно не захочет ударить в грязь лицом и постарается показать себя с самой лучшей стороны, игра обещала быть интересной и в некотором смысле даже небезопасной.

Если военные учения с некоторой натяжкой можно на-

звать игрой в войну для взрослых мужчин, то особо стоит заметить, что взрослые игры военных порой предполагают очень серьезные испытания, трудности и потасовки. Более того – и на учениях нередко случаются и самые настоящие потери! Может не раскрыться парашют десантника, задремавшего в кустах бойца может ненароком переехать танк, грузовик перевернется на скользкой дороге... Да мало ли что может случиться там, где мужчины затевают суровые взрослые игры, – ни пресловутый человеческий фактор, ни трагические случайности обычным приказом командования еще никогда отменить не удавалось...

«Ка-27» снизился до пяти-семи метров над серовато-синей поверхностью моря и завис, тугими струями воздуха взбивая на воде кипящие круги и вздымая туманное облако брызг и водяной пыли. Дверь отсека отъехала в сторону, и из черного брюха вертолета в кипящую воду с небольшим интервалом один за другим выпрыгнули четыре аквалангиста. Всех четверых мгновенно упрятала в своей необъятности толща морской воды, а вертолет быстренько набрал высоту и снова бочком-бочком унесся куда-то в сторону – вероятно, для морпехов время высадки еще не пришло.

В разных морях и океанах Земли не только цвета и оттенки горько-соленой водички отличаются, но и температуры, и степень ее прозрачности, и многие другие показатели вроде самой солености. Воды моря Желтого оказались средненькими по всем параметрам. Но боевых пловцов в данном

конкретном районе больше всего интересовала – а точнее, беспокоила – лишь прозрачность, которая могла бы быть и похуже. В мутной воде не только, по утверждениям умных людей, удобнее рыбку ловить – при неважной видимости и щуке к доверчивому пескарику подобраться намного легче и проще...

Четверка боевых пловцов, возглавляемая капитаном Катковым, размеренно работая широкими плавниками ластов, шла точно по невидимой линии, на конце которой вскоре должно было объявиться китайское судно с «несчастливыми заложниками». Пловцы шли по двое, с небольшим интервалом между парами – примерно так же, в спарке, летают летчики. Несмотря на кажущуюся разность стихий, между воздушным боем и дракой в морских глубинах есть немало общего – достаточно вспомнить, что и в небесах, и под водой три измерения вместо двух «сухопутных»...

Когда метрах в тридцати впереди и примерно в десяти над головами аквалангистов появилось продолговатое темное пятно днища китайской посуды, Скат знаками приказал одному из пловцов провести небольшую рекогносцировку. Боец понятно кивнул и без промедления направился к судну – следовало аккуратно осмотреть все вокруг и проверить, нет ли каких ловушек, камер слежения или – что было бы хуже всего – притаившейся охраны из таких же серьезных парней, тренированных именно для борьбы с подводными диверсантами.

Пловец, старательно и умело используя зыбкую тень, отбрасываемую корпусом судна, сделал круг, то и дело зависая и что-то там рассматривая – со стороны это действие выглядело так, будто огромный морской конек задумчиво и внимательно вслушивается в одному ему ведомую музыку моря. Минут через десять «конек» бодренько заработал ластами, вернулся к товарищам и парочкой знаков уверенно доложил, что ни охранения, ни сонаров «потенциальный противник» для них не приготовил. Следовательно, без проволочек можно приступать к основной операции...

В открытом море, в бескрайнем океане для любого судна, со всех сторон окруженного соленой водичкой, одной из самых страшных вещей является пожар. Казалось бы, ну что там может гореть на плавучей железяке, каковыми сегодня смело можно назвать большинство лодок, катеров, кораблей и прочих творений ума и рук человеческих? Может! И еще как может! Если учесть, что к пожару почти всегда старается пристроиться и госпожа Паника, то, действительно, огонь на борту становится штукой пострашнее любой торпеды или огромной плавучей глыбы льда, красиво именуемой айсбергом.

Отблески огня китайские моряки и спецназовцы, игравшие роль террористов, заметили чуть позже – сначала они увидели густой дым, с весьма приличной скоростью начавший заволакивать и окутывать корму темным облаком. Порывы слабого ветра, к досаде озабоченно забежавших по суд-

ну людей, дым не относили в сторону, а, совсем напротив, швыряли космы вонючего дымного облака как раз в лицо, затягивая серой мутью палубу и надстройки.

Страшное слово «пожар» еще не было произнесено, команда еще не бросилась к помпам, брандспойтам и щитам с огнетушителями и прочими средствами, как из рваного облака темными тенями с невероятной быстротой выскочили четверо и, не обращая внимания на присутствующих на палубе людей, целеустремленно рванулись к центральному посту. Так называемый капитанский мостик и радиорубку, по всем правилам военной науки, следовало захватить в первую очередь. Что и было сделано, несмотря на все попытки китайских бойцов противостоять незваным гостям, в течение всего лишь двух-трех минут – результат весьма приличный, принимая во внимание обычные нормативы.

Одновременно с боевыми пловцами, обманувшими противника с помощью нескольких дымовых шашек и шумовых гранат, над палубой завис неведомо откуда вынырнувший «Ка-27», и по тросу один за другим начали соскальзывать морские пехотинцы – словно торопливые темные бусинки, срывающиеся с порванной нитки.

К чести хозяев судна, они с похвальной быстротой сообразили, что пожара скорее всего никакого нет и не предвидится, а будет запланированная учениями потасовка с российскими спецназовцами. Поскольку обе стороны имели очень приличную подготовку и никто не хотел ударить в грязь ли-

цом, то и русским, и китайским лицам грозила серьезная драка с неизбежными в таких забавах синяками, ссадинами, а то и выплюнутыми зубами.

«И грянул бой!» – пусть бой и условный, учебный, но улыбаться, раскланиваться и сдерживать удары противники не очень-то и старались, хотя каждый из бойцов ни на секунду не забывал, что происходящее на палубе – это все же не реальный бой, а всего лишь игра.

Шум, топот, крики, звуки хлестких ударов – морские пехотинцы неумолимо теснили хозяев судна, судя по всему, и не думавших сдаваться-уступать непрошеным гостям. «Учебно-показательная» схватка вот-вот грозила перерасти в серьезную битву, когда над палубой и над головами бойцов прогремело усиленное мегафоном «Отставить!» на русском, китайском и по-английски – вероятно, для пущей убедительности. «Отставить!» – армейский синоним боксерского «брэк!», – поданная двумя офицерами-посредниками – российским и китайским, – прозвучала как нельзя вовремя...

– Скот, как ты думаешь, в реальном бою наши ребята им дали бы дрозда, а? – мичман Троянов, с насмешливым любопытством наблюдавший схватку сквозь мутноватое стекло рубки, всем корпусом развернулся и посмотрел на командира. Катков не ответил, лишь равнодушно пожал плечами – мол, кто ж его знает... Тритон на ответе настаивать не стал, а уверенно заключил: – А я вот думаю, дали бы! Я бы нашим морпехам палец в рот не положил бы!

– Ну да, так они и позволят тебе свои лапы грязные со-
вать куда ни попадя, – мрачно проворчал командир и ско-
мандовал своим бойцам, всего несколько минут назад лихо
расшвырявшим с десятков «китайских товарищей» и успеш-
но захватившим командный пост судна: – Все, конец войне
– вон, посредники уже отмашку дали. Выходим строиться!

Посредники прошлись вдоль строя, в котором с неболь-
шим интервалом друг от друга замерли российские и китай-
ские военнослужащие. Наметанный глаз проверяющих отме-
чал и синяки, и ссадины, и прочие мелкие повреждения. По
лицу китайца трудно было понять, доволен он работой сво-
их спецназовцев или огорчен, а вот российский подполков-
ник всем своим видом давал понять, что ожидал от боевых
пловцов и морпехов чего-то большего.

Капитан Катков философски бесстрастно поглядывал на
суровое начальство, судя по солидному животу и кирпич-
но-красному цвету лица, не понаслышке знакомое со всеми
истинно мужскими напитками – включая и флотское «ши-
ло». Начальство остановилось приблизительно перед цен-
тром строя из длинных шеренг, и китайский офицер быстро
и коротко что-то сказал, на что строй китайцев тоже отве-
тил коротко, дружно и громко – вероятно, что-нибудь вро-
де «Служу трудовому народу!». Российский подполковник
окинул строй неприязненным взглядом, помолчал, наконец
раздвинул тонкие губы в ехидной улыбке и процедил:

– Наши китайские друзья восхищены вашей подготовкой.

Но я считаю, что вы могли быть и побыстрее, и пожестче. Если бы это был реальный бой... – взгляд посредника зацепился за командира морпехов – судя по неприкрыто злому выражению лица, тот с оценкой подполковника был явно не согласен. – Майор, вижу, у вас есть особое мнение, не так ли?

– Так точно, товарищ капитан второго ранга! Если бы мои ребята работали всерьез, в реале, то все наши противники уже плавали бы в соленой воде, пуская кровавые пузыри. Без вариантов, товарищ капитан второго ранга! – неприязненно отрапортовал майор.

Вероятно, у подполковника насчет «кровавых пузырей» тоже имелось свое особое мнение, но высказать его посреднику помешал вдруг оживший зуммер портативной рации, закрепленной у левого плеча. Искоса поглядывая на непозволительно строптивного майора, офицер отошел чуть в сторону, торопливо включил рацию на прием и с минуту молча слушал, после чего коротко сказал: «Вас понял. Конец связи...» Пройдя вдоль строя, подполковник остановился напротив группы боевых пловцов и негромко спросил:

– Капитан Катков кто?

– Я Катков, товарищ подполковник, – Скот внутренне слегка напрягся и вместе с тем как-то заскучал – давно известно, что если большое начальство начинает спешно разыскивать какого-то там капитана, то скорее всего не затем, чтобы дать ему майора досрочно.

– Соберите свое снаряжение и будьте готовы к вылету –

через двадцать минут за вашей группой прибудет вертолет.

– Разрешите выполнять?

– Выполняйте, – буркнул посредник и, теряя всякий интерес к пловцам, направился к китайскому коллеге, молчаливо переминавшемуся рядом с капитаном и еще парочкой офицеров с «освобожденного» российским спецназом судна.

Вертушка прибыла не через двадцать, а через пятьдесят семь минут, что было не таким уж и большим преступлением – в Российской армии и на флоте, как и на гражданке, частенько случается так, что в одном часе оказывается не шестьдесят минут, а все сто восемьдесят.

«Ка-27» доставил боевых пловцов на БПК «Адмирал Кузнецов», откуда катер переправил капитана Каткова и старшего мичмана Троянова на флагманский крейсер. На борту крейсера Скот и Тритон предстали пред ясные очи капитана первого ранга из контрразведки флота, без долгих прелюдий вручившего боевым пловцам предписание в кратчайшие сроки прибыть в Москву, в распоряжение Главного разведывательного управления Генштаба. На вопрос Каткова, осторожно поинтересовавшегося, чья подпись стоит под текстом полученной из столицы шифрограммы, каперанг ответил очень лаконично: «Полковник Вашуков»...

Военная тюрьма Форт-Ливенуорт, штат Канзас, США, август 2011 года

– Заключенный номер 9 – 173, на выход! – давно знакомый голос вырвал Томпсона из нежных лапок послеобеденной дремы и заставил подняться с койки, встать по стойке «смирно» и отбарабанить положенное внутренним распорядком: заключенный такой-то и прочее. Здоровяк охранник, привычно пропуская мимо ушей доклад, недовольно проворчал, встряхивая длинными цепями ручных и ножных кандалов: – Руки давай... Вот, а теперь копыта твои малость стреножим. Дергаться не вздумай, придурок, а то... сам знаешь!

– Меня на обед к президенту поведут? С чего это вдруг и на ноги браслеты? – лениво наблюдая за манипуляциями тяжело пыхтевшего сержанта, спросил Стив. Усмешка тронула губы – Томпсон представил, как он бьет этого сопящего борова по мясистому затылку и тот заваливается набок и начинает по-свинячьи биться и визжать.

– Много чести будет для всяких уродов вроде тебя, – отдуваясь, выпрямился конвоир и подозрительно прищурился:

– Ты с чего так веселишься, а? Видно, не такой уж ты и больной, как распевал... Ты дока требовал? Требовал. Кричал, что голова страшно болит и ты от такой боли сдохнешь? Вот начальство и приказало отвезти тебя в госпиталь и проверить. Сделают тебе эту... как ее? А, томограмму, вот! Короче, сейчас тебя отвезут, проверят, и если ты соврал, то я тебе, дружок, не завидую. Лично прослежу, чтобы тебе устроили хорошенькое сотрясение мозга и сломали парочку ребер! По мне так лучше бы ты и в самом деле подох – налогоплательщикам стало бы полегче дышать. Вперед!

Томпсон, стараясь не запутаться в икс-образной цепи, весьма мелодично позванивавшей, но здорово мешавшей идти, продвигался по коридорам, спускался и поднимался по лестницам, которым, казалось, конца никогда не будет. Шел и мысленно аплодировал крысе-адвокату, вспоминая свой недавний разговор с этим прохиндеем. Именно адвокат посоветовал Стиву обратиться к тюремному начальству с жалобой на жестокие головные боли. По всему выходило, что крыса был прав – сейчас его повезут в госпиталь.

Но как они планируют освободить заключенного, которого повезут наверняка под охраной и в спецавтомобиле? Или они собираются организовать побег непосредственно из госпиталя? Так ведь и там кругом охрана и цепи эти проклятые добрые дяди вряд ли снимут... Впрочем, прикинул Томпсон, это уже не мои проблемы: эти парни задумали меня освободить – пусть у них голова и болит...

Едва парочка вышла на воздух, который из-за пыльной духоты, принесенной вечными канзасскими ветрами, язык не повернулся бы назвать свежим, как охранник приказал повернуть налево, и вскоре прогулка закончилась. Бывший морпех и боевой пловец угадал: на стоянке неподалеку от металлических ворот стоял микроавтобус с буквами «MP» на борту. Водитель в обычной форме военной полиции сучал за рулем, покуривая сигарету, а больше рядом с машиной не было никого.

– Этот, что ли? – водитель скептически окинул взглядом путающегося в длинных цепях заключенного, небрежно ткнул окурком в выдвижную пепельницу и нажал кнопку электропривода замка задней двери. – Дилижанс подан, забирайтесь, джентльмены!

Томпсон, придерживая цепь обеими руками, забрался в кормовой отсек «Форда», отделенный от мест водителя и сопровождающего решеткой и толстым стеклом. Кое-как прилежался на узенькой скамье и откинулся всем корпусом на стенку кузова. Тут же подался вперед – стальной лист оказался горячим, что, учитывая отсутствие в этой душегубке кондиционера, комфорта отнюдь не добавляло. Стив прикинул, что если дорога окажется длинной, то жаркая клетушка вполне может если и не довести его до теплового удара, то обезвоживание устроит точно – вон, уже и майка к спине прилипла, и по лицу пот бежит. Черт возьми этих койотов, они думают двигаться или спать там улеглись...

Мотор «Форда» мягко заурчал, потом с легким хрустом включилась передача, кузов раз-другой накренился вправо-влево, потом выровнялся, и по ровному, на одной сильной ноте, гулу двигателя мнимый больной понял, что микроавтобус выбрался на основную дорогу и катит в сторону госпиталя. Ни водителя с напарником, ни окружающей местности Томпсону при всем желании увидеть не удалось бы – единственное окно, выходившее в кабину, было наглухо закрыто шторкой цвета хаки.

Минут через сорок, когда Томпсон уже решил, что теперь он точно знает, что примерно должен испытывать цыпленок, засунутый в микроволновку, «Форд» повернул направо и вскоре остановился. Двигатель автомобиля фыркнул и тут же затих. Зато отчетливо стали слышны звуки сигнализации, которые обычно в паре с мигающими фонарями предупреждают водителей о приближении поезда – значит, прикинул Стив, мы остановились где-то перед железнодорожным переездом. Сейчас прогрохочет какой-нибудь товарный состав, и микроавтобус двинется дальше. Казалось, что в остановившейся машине намного жарче, чем было во время движения, – возможно, раньше в жестяную коробку проникало хоть сколько-нибудь встречного ветерка. Где же этот чертов поезд?..

...Сержант недовольно посмотрел на часы, беззвучно тикавшие на панели приборов, закурил сигарету, выдыхая в открытое окно целое облако дыма, и проворчал:

– С детства ненавижу эти переезды – по полчаса стоишь и ждешь! Как будто нельзя до пяти минут сократить это издевательство. Вот где этот огненный конь чумазных апачей?

– Ты не прав, – флегматично перемалывая жвачку, отозвался водитель, – шлагбаум и сигнализация – штука правильная. Вон, в прошлом году целый автобус на неохраняемом переезде перед носом поезда проскочить хотел...

– И что? Не успел, – хохотнул здоровяк и закашлялся от своего же дыма.

– Куда там! У грузового состава знаешь какая масса и инерция? У него только тормозной путь миль пять! Короче, автобус, как жестянку пивную, разодрало и смяло. Представляешь, какая там кровавая каша была?! То-то же. А ты говоришь...

Закончить фразу водитель не успел – с обеих сторон к машине подскочили два тяжелых мотоцикла, и не успел еще ветер отогнать облака желтой пыли, поднятой во время резкого торможения, а охранник и водитель испуганно замерли и молча таращились в окна – каждый в свое. Посмотреть было на что: и справа и слева мотоциклисты, затянутые в какие-то немислимые кожаные доспехи с массой заклепок и цепей, совершенно недвусмысленно целились в полицейских из помповых ружей пугающего калибра. Лица напавших, естественно, прятались под забралами глухих шлемов. Из-под одного из шлемов и прозвучало:

– Картечь крупная – так что не дурите, парни. А теперь,

дядя, кнопочку нажми и замок нам открой... Умница. Руки на руль и не шевелись. И ты, жирный, тоже...

Изображать из себя героя не стремился ни один, ни второй полицейский – когда в лицо тебе смотрит черный глаз ствола совсем не маленького калибра, всякие мысли о сопротивлении и о прочих глупостях улетучиваются мгновенно. Водитель намеренно медленно, чтобы, не дай бог, не спровоцировать ненароком ни одного из мотоциклистов, опустил руку и нажал кнопку привода, после чего вновь положил ладонь на пластик руля.

Судя по всему, напавших было больше, чем двое, поскольку было отчетливо слышно, как сзади распахнулась дверца и кто-то негромко произнес какую-то короткую фразу, вероятно, обращенную к закованному в цепи пленнику. Правда, тут же раздался в прямом смысле нечеловеческий крик, который оборвался сразу после оглушительно грохнувшего позади микроавтобуса выстрела. Оба полицейских замерли, заметно побледнели и боялись пошевелиться – каждый решил, что если началась стрельба, то сию минуту и им достанется по заряду картечи. А после таких «подарков» мало кому удастся выжить. Так что оставалось только бледнеть, потеть и молиться.

Видимо, боги молитвы полицейских слышали – сначала где-то сзади взревел мотор автомобиля и тут же его звук стал быстро удаляться, а минутой позже и мотоциклисты почти синхронно забросили ружья за спины и, резво развернув

свои тяжелые байки, газанули и с ревом умчались вслед за автомобилем.

Прошло еще с полминуты, и шлагбаум легко взлетел, а сигнализация на переезде выключилась – хотя никакого состава полицейские так и не увидели. Скорее всего игра с сигнализацией была всего лишь частью нехитрой ловушки. Но это можно будет выяснить и потом – пусть этим занимаются те, кому это по службе положено. А им, конвоирам перевозимого заключенного, сейчас следовало выйти из машины и посмотреть, что же там натворили удравшие бандиты...

– Ставлю бутылку виски против стакана самого дрянного пива, что сейчас мы увидим пустой отсек, – угрюмо проворчал сержант и потянулся за своим ружьем, стоямья закрепленным в специальных зажимах в уголке кабины. Воспользоваться штатным оружием во время нападения здоровяк даже и не пытался – не хватало еще жизнью неизвестно ради чего рисковать. – Давай двигай задницей! Пойдем посмотрим, что там.

Ни один из полицейских не воевал, но за время службы в военной тюрьме им доводилось видеть всякое – и жестокие драки, и поножовщину, и убитых всякими разным способами эков. Так что вроде бы и удивить бывалых служак было трудно. Но незнакомцам, так запросто и непринужденно взявшим микроавтобус-автозак в клещи, это удалось!

Придерживая ружье на изготовку, здоровяк, медленно и почти бесшумно ступая, подошел к распахнутой задней две-

ри и, осторожно вытягивая шею, заглянул внутрь.

– Ну что там? – с другой стороны кузова с нетерпеливым любопытством во всем облике появился водитель, сунулся было в отсек и тут же отпрянул, судорожно сглатывая и бледнея еще сильнее, чем во время налета загадочных байкеров. – Мать божия... Это... что?

С первого же взгляда было ясно, что бутылка виски толстяк проиграл. А со второго... Вот второй раз на то, что странной кучей полусидело в углу закутка, смотреть полицейским совсем не хотелось. Зрелище было страшноватым, живо напоминающим кадры из дешевенького фильма ужасов. Пленник был на месте, и даже человеку, совершенно не разбирающемуся в медицине, сразу было понятно, что несчастный безнадежно мертв. Все тело казалось изломанным и было залито кровью. Лицо... Не было лица – на его месте краснело жуткое месиво из мяса, кожи и костей. Вероятно, именно в лицо и попал заряд крупной дроби после выстрела, который незадачливые охранники слышали, сидя в кабине. Но, по-видимому, налетчикам одного выстрела показалось мало – в лицо убитому плеснули еще и гадостью какой-то вроде кислоты.

– Чем это они его? – непроизвольно отводя взгляд, спросил товарища водитель.

– Кто ж знает, – раздраженно ответил сержант и длинно и грязно выругался. – Твари! Они, значит, его сначала этой дрянью облили, а потом и пристрелили. Он же крикнул сна-

чала. А потом и заткнулся. Сразу после выстрела... Вот и получается...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.